

АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ

Неудачник

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А68

Анненская А.

А68 Неудачник / А. Анненская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 110 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77610-8

Неудачник — прозвище: так родители и сестры называют болезненного мальчика, не приспособленного ни к тяжелому крестьянскому труду, ни к работе в магазине нечистого на руку родственника. Тем не менее Петя находит свое место в жизни.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77610-8

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

HEYDA'CHUK

Глава I

Мальчики на дворе одного из больших домов Москвы за-
теяли веселую игру. Дети, человек шесть-семь, от двенадцати
до четырнадцати лет, устроили настоящее сражение снежками.
Трое из них укрепились в узком коридоре, между сараем
и поленницей дров, остальные старались выбить их из этой
позиции. Осаждающие осыпали крепость градом снежных
пуль, осажденные делали смелые вылазки, чтобы добывать
доски, пустые ведра и разный хлам, которым они старались
завалить входы в свою крепость. С обеих сторон слышался
крик и смех, начальники обоих отрядов командовали так гро-
могласно, что их могли бы услышать сотни подчиненных. Не-
смотря на довольно значительный мороз, детям было тепло
от сильного движения; только руки, которыми они сгребали
и бросали снег, посинели от холода.

Форточка одного из окон нижнего этажа отворилась, и из
нее выглянула женская голова.

— Дети, Петя с вами? — спросил женский голос.

— Нет, мамочка, — отозвался предводитель осаждающих,
красивый мальчик лет тринадцати, — он не захотел играть,
вон он стоит у дверей.

Александра Петровна заглянула в ту сторону, куда указы-
вал ее сын и действительно увидела у входа в дом мальчика,
лет двенадцати, бледного, худенького, дрожавшего от холода.

— Петя, приди сейчас же домой, — недовольным тоном позвала она и, захлопнув форточку, вернулась в комнату. — Какой несносный характер у этого Пети, — обратилась она к своему мужу, Федору Павловичу Красикову, сидевшему с газетой в руках у другого окна, — ни за что не хочет играть с другими детьми; сегодня я насильно послала его, так он целый час простоял у дверей, посинел от холода, а все-таки не послушался.

В комнату несмелыми шагами вошел Петя. Это был некрасивый мальчик, с торчащими рыжеватыми волосами и бесцветными близорукими глазами. Он казался сильно озябшим; лицо его было иссиние-бледно; он весь как-то ежился и прятал покрасневшие от холода руки под свою серую гимназическую блузу.

— Скажи, пожалуйста, Петя, — обратилась к нему Александра Петровна, — зачем я тебя послала во двор?

Мальчик опустил голову и молчал.

— Петя, я у тебя спрашиваю, неужели ты не можешь хоть ответить?

Молчание.

— И как же тебе не стыдно, Петя. Я тебя не браню, я с тобой говорю, как с разумным мальчиком, а ты молчишь. Неужели тебе так трудно ответить! Отчего ты не пошел играть с детьми, как я тебе велела?

Тонкие, бледные губы Пети были плотно сжаты; он продолжал засовывать руки под блузу, но видимо не намеревался отвечать.

— Упрямый мальчик! — рассердилась Александра Петровна: — с тобой нельзя обращаться, как с порядочными детьми; поди прочь, если ты не хочешь отвечать мне, так и я не буду говорить с тобой...

Петя вышел из комнаты такими же тихими шагами, как вошел в нее, осторожно припер за собой дверь и пробрался в полутемный коридор, подальше от той комнаты, где сидели Красиковы. Там топилась печка, он уселся на полу против нее

и с удовольствием грел свои иззябшие руки и ноги. При красноватом свете огня лицо его потеряло свой мертвенный бледный оттенок, губы перестали упрямо сжиматься, складки между бровями разгладились, все черты лица смягчились.

Пригретый печкой, один в полутемном уголке, он почувствовал себя спокойно, хорошо, и вспомнилось ему, что так же спокойно и хорошо бывало ему давно-давно, когда он жил дома, в деревне, совсем маленьким мальчиком...

Отец его служил приказчиком в имении Федора Павловича, жалованье получал маленькое, а семья у них была большая, две сестры старше его да двое или трое детей моложе; мать должна была сама и стряпать, и стирать белье, и детей нянчить, и корову доить. Работа утомляла ее, постоянные лишения раздражали, она ворчала на мужа, бранила и била детей; в избе было тесно, душно, неуютно, постоянно раздавался то крикливый голос хозяйки, то плач или возня ребят. Пете — тихому, слабенькому мальчику — жилось плохо. Отец досадовал, что старший сын уродился у него какой-то неудалый, ладящий, мать находила, что он вечно мешает, вечно суется под ноги, старшие сестры смеялись над его близорукостью и неловкостью, младший брат, здоровенный, краснощекий буян Федюшка при всяком удобном случае старался поколотить его или вцепиться ему в волосы. Но среди этого шумного, неуютного дома был уголок, куда мог спастись Петя, где он чувствовал себя хорошо: этим уголком была комнатка на чердаке, где жила старая, слепая тетка его отца.

В крошечной низенькой келейке старушки всегда было тихо, чисто, спокойно. В переднем углу висело несколько образов с потемнелыми от времени ликами святых и в праздники теплилась лампада; печка с лежанкой служила старухе кроватью; простой некрашенный стол, такой же стул и зеленый окованный железом сундук составляли всю меблировку. Тут-то, на этом сундуке, прижавшись спиной к тепленькой лежанке, любил сидеть маленький Петя. Бабушка не видела, какой он некрасивый, неловкий, для нее он был всегда желан-

ным гостем, и когда она гладила своей морщинистой рукой его рыжие щетинистые волосы, когда она говорила с ним своим кротким, ласковым голосом, он забывал все огорчения, все насмешки и обиды других, он сам становился добрым, ласковым ребенком. Другие бранили его за то, что он ничего не умеет делать, а бабушка находила, что никто не умеет так ловко услужить ей, как он, никто так осторожно не сводит ее с лестницы, не проведет в церковь к местечку, где не толкают и откуда слышна служба. У старухи болели ноги, ей трудно было сходить вниз по крутой лестнице чердака, и она целые дни сидела одна в своей горенке и постоянно с какой-нибудь работой в руках: она вязала чулки, ткала из покровок сукна коврики и туфли, плела из соломы и из ивовых прутьев корзины. Все эти вещи покупали у нее проезжие торговцы и хотя они давали ей очень немного за ее труд, но она все-таки могла и платить племяннику за свое содержание, и иметь деньги на свои небольшие потребности: на масло в лампадку, на свечку перед образом, на ватную кацавеечку к зиме. Петя сначала удивлялся, как это слепая старушка может так хорошо работать, потом попробовал подражать ей и мало-помалу научился всем ее рукодельям. Увидя, что он вяжет чулок, сестры подняли его на смех, мать подумала: “Ничего из него путного не выйдет!”, отец неодобрительно покачал головой.

Петя сконфузился, он старался скрывать свои работы от домашних, но когда оставался один с бабушкой и видел, как быстро мелькают в руках ее спицы чулка, как легко перебирает она пестрые полоски сукна, гибкие прутья и тонкие блестящие соломинки, ему неудержимо хотелось поработать вместе с ней, быть “совсем как бабушка”. Отец рано начал учить его грамоте: он надеялся, что слабенький мальчик окажется способным хоть к умственному труду. Петя учился прилежно, чтобы угодить отцу: он покорно исписывал крупными буквами толстые тетради серой бумаги, безропотно складывал, вычитал, умножал и делил длинные ряды цифр, а чтением скоро стал заниматься даже с удовольствием. Впрочем, те истрепан-

ные книжки грамматики и “Землеописания”, из которых отец заставлял его каждый вечер прочитывать себе по одной, по две страницы, мало привлекали его; читал он охотно только у бабушки. У старухи в сундуке нашлось несколько житий святых и какое-то старое путешествие к святым местам; эти книги, то благоговейное внимание, с каким слушала их старушка; пробудили в мальчике любовь к чтению...

Живо, точно это было только вчера, представилась ему маленькая горенка, освещенная лучом заходящего солнца; старушка сидит на сундуке с вязаньем в руках, а он на полу, у ног ее. Большая книга “Путешествия” лежит на его коленях. Он водит пальчиком по пожелтевшим страницам и медленно, запинаясь на трудных словах, читает: “И вот вдали заблестели главы церквей святого города, и наполнились глаза странников слезами радости и пали они на колена и возблагодарили Создателя...”

— Слава тебе Господи! — набожно произносит старушка.

И сердце его радостно бьется сочувствием к благочестивым путникам, достигшим, наконец, цели своего трудного пути...

— Петя, Петя!.. Да где же это он? Учитель пришел... Петя! Иди скорей! — раздались голоса.

Глава II

Медленно, неохотно поплелся Петя в классную комнату: там уже сидели за учебным столом его товарищи, сыновья Федора Павловича, тринадцатилетний Виктор и одиннадцатилетний Боря.

Все трое учились в гимназии: Виктор в третьем, а Боря и Петя — во втором классе.

— Скорей, скорей принимайтесь за дело, господа! — торопил мальчиков их репетитор, студент университета, — вы просрочили целых пять минут! Живее за работу. — Петя! А вы что такой сонный?

Петя, действительно, вяло и неохотно брался за книги. Ему трудно было сразу оторваться от воспоминаний, нахлынувших на него около теплой печки, трудно было от трогательной истории благочестивых странников сразу перейти к латинской грамматике, а между тем это было необходимо.

И в то время, как через два часа оба брата с облегченным сердцем уложили свои книги в ранцы и убежали из классной, с Петей учителю пришлось заниматься еще лишние полчаса.

Петя остался один в классной. Из столовой слышались голоса. Вся семья собиралась пить чай, мальчик устал затверживать латинские спряжения, немецкие слова и трудные названия незнакомых городов, а тут еще учить такое трудное стихотворение! Он прочел его раз, два, попытался вспомнить,